

ВЛИЯНИЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО НА ХОД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

© 2017

Е.А. Артамонова, доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь (Россия)

Ключевые слова: обвиняемый; волеизъявление обвиняемого; влияние волеизъявления обвиняемого на уголовно-процессуальную деятельность; дореволюционное законодательство; советские уголовно-процессуальные кодексы; история и современность.

Аннотация: В статье прослеживается, какие возможности влияют на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности имел обвиняемый в процессе развития российского уголовного судопроизводства. Отмечается, что личные интересы обвиняемого стали учитываться только с принятием Устава уголовного судопроизводства и только в рамках реализации принадлежащих ему прав. Указывается, что наиболее разнообразные формы влияния волеизъявления обвиняемого на уголовно-процессуальную деятельность существовали в период действия первых советских уголовно-процессуальных кодексов 1922 и 1923 гг., согласно которым правовое волеизъявление обвиняемого имело основополагающее значение в одних случаях для существенного сокращения судебного разбирательства в рамках существовавшей формы осуществления правосудия, в других – меняло форму осуществления правосудия, в третьих – изменяло характер уголовного преследования.

С введением в действие УПК РФ обвиняемый (подозреваемый) получил немалые по масштабам возможности влиять на уголовно-процессуальную деятельность. Сегодня он имеет не только субъективные права, позволяющие ему при производстве по уголовному делу защищать свои законные интересы, но и возможности влиять на выбор формы уголовного судопроизводства. Стабильно в последние годы большинство уголовных дел (~65,8 %) [1] рассматриваются в особом порядке, инициирование которого так или иначе зависит от волеизъявления обвиняемого. Это позволяет говорить о колоссальном влиянии лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности.

Пределы влияния волеизъявления обвиняемого расширялись современным законодателем в двух направлениях. Во-первых, к изначально закрепленным в УПК РФ институтам, позволяющим обвиняемому менять уголовно-процессуальную форму, добавились новые, инициирование и производство которых зависит от волеизъявления обвиняемого или подозреваемого (заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, производство сокращенного дознания). Во-вторых, внутри давно известных, традиционных институтов внедряются процедуры порядок и само выполнение которых зависит от волеизъявления обвиняемого (повторный допрос обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ); оспаривание обвиняемым показаний свидетелей обвинения и потерпевших (ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ); решение судом вопросов о соединении уголовных дел (ст. 239.2 УПК РФ) и изменении подсудности (ст. 35 УПК РФ) и др.).

В исторической ретроспективе столь широкими возможностями уголовно-преследуемые лица не обладали. Русский древний процесс имел ярко выраженный частно-исковой характер. Уголовный процесс полностью совпадал с гражданским. Его характерными чертами являлись «усмотрение сторон и формализм разбирательства» [2, с. 16], «проникнутые религиозной идеологией» [3, с. 641]. Первые известные древние законодательные памятники (Договоры Руси с Византией (911 г. и 944 г.) и Русская правда) в основном были посвящены материальному праву и практически не регулировали вопросы судопроизводства [3, с. 624–625]. Князь олицетворял публичную власть, в основе судопроизводства лежали поединки и ордалии. И если, вступая в поединок, обвиняемый мог «защищаться» (победитель всегда признавался правым), то при испытании с помощью сил природы (испытание железом и водой) обвиняемый был беззащитным (при испытании водой он вообще опускался в воду связанным) [3, с. 639–640].

Затем по мере развития общества и государства борьба с преступностью постепенно становится исключительно делом государственным. Уже Судебник 1497 г. в судопроизводство по делам о «ведомых лихих людях» (опасных преступниках, совершавших наиболее тяжкие преступления против собственности и государства) вводил сыск – розыскное начало [3, с. 659]. По таким делам права обвиняемых отрицались полностью, а сами они подлежали в обязательном порядке смертной казни. И только по делам о менее тяжких преступлениях обвиняемый имел некоторые послабления. Здесь же, по крайней мере, в двух случаях, волеизъявления обвиняемого имело определенное влияние на исход дела: допускалось примирение обвинителя с обвиняемым на любом этапе процесса вплоть до начала поединка, и неявка обвиняемого в суд влекла признание его виновным [3, с. 659–660]. Судебник 1550 г. расширил круг преступлений, признаваемых государственными, и как следствие – область применения смертной казни, наряду с введением других телесных наказаний [3, с. 668]. Соборное Уложение 1649 г. еще больше усилило государственное начало в борьбе с преступностью. Особенно бесправным было положение обвиняемых «по делам о душегубстве, разбое, татьбе с поличным» [3, с. 680]. Основным доказательством виновности в таких делах становится признание обвиняемого, без которого он не мог быть подвергнут полному наказанию. Но, если обвиняемый не сознавался и в доказательстве находились противоречия, приговор ему смягчался. Вместо смертной казни он заключался в тюрьму пожизненно [3, с. 678, 681]. Говорить о влиянии волеизъявления обвиняемого здесь не приходится, так как признание добывалось под пытками, а, следовательно, его нельзя рассматривать как осознанное и добровольное изъятие волеи лица.

На этом этапе исторического развития обвиняемый «становится предметом исследования, подлежащим экспериментам самым суровым во имя государственного интереса» [2, с. 16]. Устанавливаются розыскной порядок, тайность и письменность процесса, ревизионный порядок и «вообще определение процесса безличной волею закона (ex officio)» [2, с. 17] и сосредоточение правосудия в руках судей. Одновременно монарх (царь) был не только носителем законодательной власти, но и являлся непосредственным судьей, например, Петр I лично выносил смертные приговоры стрельцам [3, с. 689; 4, с. 18]. Кратким изображением процессов (Приложение к Воинскому уставу, 1716 г.) было введено еще более «резкое ограничение прав обвиняемого, превращаемого в объект пытки» [3, с. 709], а Свод законов 1832 г. окончательно закрепил государственный розыскной поря-

док уголовного судопроизводства. «В русской истории до судебных уставов – писал П.И. Люблинский – права личности мало принимались во внимание...» [5, с. 23]. Старое право почти всецело игнорировало права обвиняемого [5, с. 56].

Коренные изменения в уголовном процессе произошли в результате Судебной реформы середины XIX в. Цели этих преобразований были отражены в Указе Александра II: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние, и которое должно быть руководителем действий всех и каждого от высшего до низшего» [6, с. 1].

С введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в отечественном законодательстве окончательно закрепились публичное (ex officio) начало уголовного процесса, действовавшее во всех случаях, когда объектом преступного посягательства являлся «общественный интерес» [7, с. 253]. По общему правилу преследование виновных в преступлениях начиналось и производилось «учрежденными для сего властями» [8, с. 62]. Судебному следователю предоставлялись полномочия «ведения уголовного дела по собственному его усмотрению, ... независимо от домогательств заинтересованных в деле лиц, как-то: потерпевшего, гражданско-го истца и обвиняемого» [9, с. 585].

В процессуальном праве были провозглашены принципы состязательности, гласности, устности. На смену инквизиционному розыскному процессу пришел процесс состязательный, основанный на свободной оценке судом доказательств, рассматриваемых в ходе гласного судебного разбирательства. Он был проникнут публичным началом, а его движущей силой являлось государственное обвинение. Государственная воля двигала уголовный процесс на всем его протяжении, проявлялась во всех институтах, влияла на процессуальную деятельность всех основных участников. Вместе с тем, обвиняемый признавался «субъектом права» и наделялся определенным комплексом прав. Более того, Устав в целом ряде статей заботился «о действительном предоставлении ему этих прав» [9, с. 585].

О воздействии на уголовно-процессуальную деятельность волеизъявления обвиняемого не могло быть и речи. В то же время установившийся порядок производства по уголовным делам в определенной степени отражал и учитывал личные интересы обвиняемого и подсудимого. Дореволюционные юристы связывали это с появлением принципа состязательности в уголовном процессе. Благодаря началу состязательности сторон подсудимому предоставлялось право избрать себе защитника или ходатайствовать о предоставлении такового, право просить о вызове новых свидетелей (ст. 557 УУС) [9, с. 909], право подсудимого и его защитника знакомиться с подлинным делом и выписывать из него все нужные им сведения (ст. 570 УУС) [9, с. 921], право просить о вызове «сведущих людей» (экспертов) (ст. 578 УСС) [9, с. 931], право получения поименного списка судей, прокурора и присяжных заседателей не менее чем за три дня до начала судебного заседания (ст. 589 УУС), что позволяло ему при желании собрать необходимые сведения о лицах, которым вверялось решение вопроса о его вине, и осознанно воспользоваться правом отвода тех из них, участие которых в решении дела он признавал невыгодным для себя [9, с. 837–938].

Обвиняемый мог «ограждая свои процессуальные права, обжаловать все, нарушающие его интересы, постановления и действия следователя», таким жалобам обеспечивалось «немедленное движение» (ст. 491 УУС) [9, с. 585]. Касаемо объекта жалоб обвиняемого согласно Указу Уголовного Департамента от 15 мая 1868 г. существовало следующее ограничение: не допускалось обви-

няемому обжаловать непрекращение в отношении него следствия в виду совершенной недостаточности улик, так как «до окончания исследования всех обстоятельств, имеющих какое-либо отношение к предмету следствия, нельзя знать, есть ли достаточные основания к освобождению обвиняемого от суда» ведь «оценка сих оснований зависит исключительно от обвинительной власти, без всякого участия в ней обвиняемого, права которого не могут считаться нарушенными исследованием преступления» [9, с. 859]. Имел подсудимый и право обжаловать состоявшееся определение или приговор суда, своевременно предъявлять замечания на протокол судебного заседания и др. От реализации этих прав нередко зависел исход дела [10, с. 52].

Дореволюционные юристы указывали как на более прогрессивное, имеющееся в российском уголовном процессе и отсутствующее «в процессах французском, германском, австрийском» право обвиняемого присутствовать при всех следственных действиях, «лишь в случае необходимости следователь допрашивает свидетелей первоначально в отсутствии обвиняемого» [3, с. 781; 9, с. 585].

Уголовно-процессуальное законодательство Российской империи, признавая основой уголовно-процессуальной деятельности публичное начало, содержало отдельные элементы (вкрапления) проявления волеизъявления обвиняемого, в основном касаемые реализации принадлежащих ему прав.

Послереволюционное законодательство на заре становления советского государства в сфере уголовного судопроизводства в основе своей содержало правила Устава уголовного судопроизводства 1864 г, если таковые не были отменены и не противоречили устанавливаемомуся правопорядку [11, п. 5; 12, ст. 8, ст. 36].

Вместе с тем, предписания ст. 27 Декрета О суде № 2 отдельно закрепляли право обвиняемого пригласить защитника самостоятельно или обратиться к суду с просьбой назначить защитника. В рамках же предварительного следствия право обвиняемого на помощь защитника могло быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требовали интересы раскрытия истины. Одновременно обвиняемый наделялся правом обжалования такого решения в окружный народный суд (ч. 2 ст. 21 Декрета О суде № 2).

Все советские уголовно-процессуальные кодексы (УПК РСФСР 1922 г. [13], УПК РСФСР 1923 г. [14], УПК РСФСР 1960 г. [15]) закрепляли основой уголовного процесса публичное начало. Принцип публичности рассматривался в качестве общеправового, имеющего универсальное значение. Интересы личности учитывались при этом постольку, поскольку они не противоречили публичным. Обвиняемый имел свободу выражения своего волеизъявления только при реализации принадлежащих ему прав. Вместе с тем в разные периоды советского времени уголовно-процессуальное законодательство имело институты, позволяющие обвиняемому в какой-то степени влиять на форму уголовного судопроизводства, требовать принятия нужных ему процессуальных решений. Не столь глобально как в современной действительности, но все же волеизъявление обвиняемого имело определенное влияние на уголовно-процессуальную деятельность.

Первые советские кодексы признавали обвиняемого стороной в процессе (п. 6 ст. 23 УПК РСФСР 1922 г., п. 6 ст. 23 УПК РСФСР 1923 г.) и наделяли его определенными правами, которые в большинстве своем совпадали. Законодатель, в частности, наделял обвиняемого правом знать, в чем его обвиняют (ст. 138 УПК РСФСР 1922 г., ст. 135 УПК РСФСР 1923 г.), даже по делам, по которым не производилось предварительное расследование (ст. 256 УПК РСФСР 1923 г.), и правом требовать дополнения протокола и внесения в него поправок, в том числе и собственноручно (ст. 142 УПК РСФСР 1922 г., ст. 139 УПК РСФСР 1923 г.).

Предусматривался целый комплекс прав обвиняемого при назначении и производстве экспертиз: 1) право требовать вызова указанного им эксперта (ст. 172 УПК РСФСР 1922 г., ст. 169 УПК РСФСР 1923 г.); 2) право представлять в письменном виде вопросы, по которым экспертом должно быть дано заключение (ст. 174 УПК РСФСР 1922 г., ст. 171 УПК РСФСР 1923 г.); 3) право ходатайствовать о назначении и производстве новой экспертизы другим экспертам (ст. 177 УПК РСФСР 1922 г., ст. 174 УПК РСФСР 1923 г.).

Обвиняемый наделялся правом ходатайствовать о допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств для установления обстоятельств, которые могли иметь значение для дела (ст. 114 УПК РСФСР 1922 г., ст. 112, 256, 272 УПК РСФСР 1923 г.); правом обжалования действий следователя и решений суда (ст. 216, 353 УПУ РСФСР 1922 г., ст. 212, 400 УПК РСФСР 1923 г.); правом ходатайствовать об условно-досрочном освобождении (ст. 474 УПК РСФСР 1922 г., ст. 463 УПК РСФСР 1923 г.) и др.

Заслуживают особого внимания предписания ст. 117 УПК РСФСР 1922 г., наделявшие обвиняемого правом присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. По сути, обвиняемый наделялся правом активно участвовать в процессе расследования преступления. Во всех последующих уголовно-процессуальных законах вплоть до настоящего времени подобной нормы больше не было.

В судебном заседании подсудимый имел право задавать вопросы свидетелям, экспертам, другим подсудимым и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 281 УПК РСФСР 1922 г., ст. 277 УПК РСФСР 1923 г.). Одновременно подсудимый в ходе судебного следствия мог отказаться от дачи показания (примечание к ст. 298 УПК РСФСР 1922 г., примечание к ст. 294 УПК РСФСР 1923 г.). В судебных прениях подсудимый обладал правом выступать с речью и репликой, если не было защитника, и правом на последнее слово (ст. 308, 311, 313 УПК РСФСР 1922 г., ст. 304, 307, 309 УПК РСФСР 1923 г.).

УПК РСФСР 1923 г. наделял обвиняемого рядом прав, обеспечивающих участие в деле, как сказали бы сегодня, защитника по соглашению: правом ходатайствовать о допуске избранного им защитника (ст. 243 УПК РСФСР 1923 г.) и правом согласиться на замену защитника в случае его неявки в судебное заседание (ст. 268 УПК РСФСР 1923 г.), а также правом совместно с защитником знакомиться с делом и выписывать из него нужные им сведения (ст. 252 УПК РСФСР 1923 г.).

Заслуживает особого внимания, говоря современным языком, «упрощенная процедура судебного разбирательства», предусматривавшаяся первыми процессуальными кодексами, суть которой заключалась в следующем: если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и давал показания, суд при согласии других участников судебного заседания был вправе, не производя дальнейшего судебного следствия, перейти к прениям сторон (ст. 286 УПК РСФСР 1922 г., ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.). Как и сегодня, «упрощение» относилось к не исследованию непосредственно в судебном заседании в полном объеме доказательств виновности подсудимого в совершении преступления. Большим плюсом такой процедуры видится получение в обязательном порядке в суде показаний подсудимого об обстоятельствах совершенного им преступления, что в совокупности с признанием им предъявленного ему обвинения и позволяло сократить судебное следствие, экономя время, силы и средства. Современному законодателю следует более обдуманно относиться к опыту прошлого. Ведь не все лучше лишь потому, что оно новое. Ряд давно забытых ин-

ститутов уголовно-процессуально права были более эффективны и рациональны. В частности, рассматриваемый институт позволял в зале суда непосредственно выяснять обстоятельства совершения преступления и виновность подсудимого, пусть лишь из уст самого подсудимого. В современном особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) обстоятельства совершения преступления и виновность подсудимого вообще не исследуются непосредственно в судебном заседании. Сокращенную судебную процедуру знал и УПК РСФСР 1960 г. в последних редакциях. Согласно ст. 466 УПК РСФСР 1960 г. при рассмотрении уголовного дела в суде присяжных, если все подсудимые признавали себя виновными и сделанные ими на допросе в суде признания не оспаривались какой-либо из сторон и не вызвали сомнений у судьи, председательствующего в судебном заседании, предусматривалась возможность проведения сокращенного судебного следствия. Как и в первых процессуальных кодексах, сокращение судебного следствия по УПК РСФСР 1960 г. не зависело от волеизъявления подсудимого, а инициировалось председательствующим судьей, если сделанные подсудимым признания не вызвали сомнений.

Содержали первые уголовно-процессуальные кодексы и такие правовые формы волеизъявления обвиняемого, при реализации которых правоприменитель обязан был при определенных условиях действовать исключительно в соответствии с заявленной волей обвиняемого. Так, обязывающим для суда было волеизъявление обвиняемого, прописанное в законе в виде требования об изменении формы осуществления правосудия:

1) с заочного рассмотрения дела на очное – непосредственное исследование обстоятельств деле в судебном заседании. Обвиняемый наделялся правом подать просьбу о новом рассмотрении дела, по которому вынесен заочный приговор, с указанием причин неявки. Если причины неявки подсудимого признавались уважительными, суд был обязан удовлетворить его просьбу о новом рассмотрении дела и назначить дело к слушанию в судебном заседании с вызовом сторон (ст. 390, 393 УПК РСФСР 1922 г., ст. 353, 356 УПК РСФСР 1923 г.);

2) с постановления приговора судебным приказом (ст. 406 УПК РСФСР 1922 г., ст. 366 УПК РСФСР 1923 г.) на судебное слушание с участием народных заседателей. Обвиняемый имел право ходатайствовать о разрешении его дела посредством судебного приказа и, наоборот, после получения копии судебного приказа ходатайствовать о судебном рассмотрении дела. Получение судьей ходатайства подсудимого о судебном разбирательстве дела обязывало его назначить день слушания дела и вызвать стороны (ст. 410, 411 УПК РСФСР 1922 г., ст. 370, 371 УПК РСФСР 1923 г.).

Кроме этого, регламентируя производство по делам частного обвинения, первые советские уголовно-процессуальные кодексы устанавливали правило, согласно которому суд обязан был по просьбе обвиняемого рассмотреть уголовное дело по существу при неявке потерпевшего или его представителя по делам, где поддержание обвинения предоставлялось самому потерпевшему. Если обвиняемый такого требования не выдвигал, дело подлежало прекращению (ст. 274 УПК РСФСР 1922 г., ст. 270 УПК РСФСР 1923 г.). По воле обвиняемого производство по делу частного обвинения возвращалось в публично-правовую плоскость. Законодатель волею обвиняемого ставил выше воли потерпевшего в интересах правосудия.

В условиях универсальности публичного начала на заре становления советского уголовного процесса существовали отдельные сферы уголовного судопроизводства, где основополагающее значение имело правовое волеизъявление обвиняемого. В одних случаях оно влияло на существенное сокращение судебного разбирательства в рамках существовавшей формы осуществления правосудия, в других – меняло форму осуществления правосудия, в третьих – изменяло характер уголовного преследования.

С введением в действие УПК РСФСР 1960 г. область влияния на уголовно-процессуальную деятельность правомерного волеизъявления обвиняемого сократилась до минимума. Из законодательства были исключены все институты, позволявшие ранее обвиняемому влиять на изменение процессуальной формы. У обвиняемого осталась возможность проявлять самостоятельность при реализации принадлежащих ему прав. Изначально он наделялся достаточно традиционным минимумом прав: знать, в чем обвиняется, и давать объяснения по предъявленному обвинению; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться по окончании расследования со всеми материалами дела; иметь защитника с установленного в законе момента; участвовать в судебном разбирательстве в суде первой инстанции; заявлять отводы; принести жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда; выступать с последним словом (ст. 46 УПК РСФСР 1960 г.).

В столь жесткой законодательной регламентации обвиняемый имел возможность, в частности, самостоятельно решать вопрос о защитнике [18]: нужен ему защитник или не нужен и кто конкретно будет выступать в этом качестве, но в рамках дозволенного. Так, предписания ст. 48 УПК РСФСР 1960 г. дозволяли обвиняемому приглашать избранного им защитника и менять защитника, замена защитника в судебном заседании допускалась только с согласия подсудимого (ч. 2 ст. 251 УПК РСФСР 1960 г.), а правила ст. 50 УПК РСФСР 1960 г. разрешали в любой момент производства по делу отказаться от защитника вообще. Такой отказ допускался только по инициативе самого обвиняемого и не подлежал обязательному претворению в жизнь только в двух случаях: когда заявлялся несовершеннолетним или когда лицо в силу своих физических или психических недостатков, не могло самостоятельно осуществлять свое право на защиту.

Впервые в уголовно-процессуальном законе был закреплен запрет прекращать уголовное дело за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности и вследствие акта амнистии или ввиду помилования без согласия на то обвиняемого (ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.).

Первым по существу значимым шагом, кардинально изменившим отношение к волеизъявлению обвиняемого в уголовном процессе стало возвращение суда присяжных [16]. Обвиняемый получил право в определенных законом случаях выбирать по своему усмотрению форму осуществления правосудия по уголовному делу. Волеизъявление обвиняемого по этому вопросу было обязывающим для правоприменителя, но проявлялось в чрезвычайно узкой сфере и могло реализоваться в очень жестких рамках. Согласно ст. 423 УПК РСФСР 1960 г. обвиняемый был вправе заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом присяжных только при объявлении ему об окончании предварительного следствия и предъявлении для ознакомления всех материалов дела. На предварительном слушании можно было отказаться от такой формы судебного разбирательства, но если ходатайство было подтверждено, отказ от суда присяжных в дальнейшем не принимался. Еще одним ограничителем волеизъявления обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных было волеизъявление других обвиняемых по данному делу. Если хотя бы один из других обвиняемых возражал против суда присяжных, дело рассматривалось в общем порядке (ч. 8 ст. 432 УПК РСФСР 1960 г.).

Сегодня положительное волеизъявление обвиняемого по вопросу избрания усложненной формы судебного разбирательства проявляется в несколько больших масштабах. Оно не может быть ограничено волеизъявлением других обвиняемых по этому делу. Уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в таком составе. В случае отказа

от суда с участием присяжных заседателей кого-либо из обвиняемых уголовное дело в отношении них подлежит выделению в отдельное производство, а если это невозможно, уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей (п. 1 ч. 5 ст. 217, ч. 2 ст. 325 УПК РФ). Например, из пяти обвиняемых только двое выразили желание на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей. Оставшиеся трое обвиняемых были категорически против и единогласно высказались за рассмотрение дела судьей федерального суда единолично. Не усмотрев оснований для выделения дела в отдельное производство в отношении двух обвиняемых, ратовавших за усложненную форму судебного разбирательства, судья по итогам предварительного слушания вынес решение о рассмотрении всего уголовного дела в составе председательствующего судьи и коллегии присяжных заседателей [17].

С точки зрения сосуществования публичности уголовного судопроизводства и волеизъявления обвиняемого весьма интересна эволюция влияния волеизъявления обвиняемого на продолжение производства по уголовному делу частного обвинения в случае неяви в судебное заседание потерпевшего (его представителя) без уважительных причин. Первые советские кодексы (УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г.) обязывали суд действовать в соответствии с желанием подсудимого и рассматривать уголовное дело по существу. УПК РСФСР 1960 г. содержал не столь категорическое требование и предоставлял право самому суду решать вопрос о необходимости рассмотрения по существу дела частного обвинения, если по нему не проводилось предварительное расследование, в отсутствие потерпевшего (ч. 2 ст. 253 УПК РСФСР 1960 г.). Современный законодатель более четко разграничивает сферы действия публичного и частного начал. Разрешая влиять волеизъявлению обвиняемого в сфере действия принципа публичности, не позволяет усмотрению обвиняемого оказывать определяющее воздействие на суд в сфере, где обязывающим для правоприменителя является воля частного обвинителя. Исход процесса ставится в зависимость от усмотрения и воли пострадавшей стороны. Волеизъявление подсудимого на предмет необходимости продолжения производства по делу частного обвинения сегодня во внимание правоприменителем не принимается, и в силу прямого предписания закона в случае неявки потерпевшего без уважительных причин производство по делу частного обвинения мировым судьей прекращается за отсутствием в деянии состава преступления (ч. 3 ст. 249 УПК РФ).

В историческом развитии волеизъявление уголовно-преследуемого лица имело разное значение. Вплоть до Судебной реформы XIX в. обвиняемый признавался «объектом исследования» и его волеизъявления ни коем образом не влияло на процесс. Начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства обвиняемый стал рассматриваться субъектом процесса и наделяться определенными правами, позволяющими отстаивать свои личные интересы и тем самым влиять на исход дела. В современной действительности волеизъявление обвиняемого в определенных законом пределах меняет форму уголовного судопроизводства и влечет определенные льготы при назначении наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 и 2015 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: cdep.ru/index.php?id=79.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, 1995. 846 с.

4. Гондаренко А.С., Зозуля И.В. Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (на примере Кубани и Ставрополя). Ставрополь: СтаГУ, 2002. 315 с.
5. Люблинский П.И. Права личной свободы // На смену старого права: сборник статей по вопросам текущей правовой жизни. Петроград: Типо-лит. Руманова, 1915. 434 с.
6. Лебедев В.М. Верховному Суду Российской Федерации 80 лет // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 1. Ст. 1.
7. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1991. 496 с.
8. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Книгоиздательство П.П. Герушкина и Ко, 1905. 267 с.
9. Устав Уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Вып. III. М.: Издание М.М. Зива, 1914. 944 с.
10. Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 684 с.
11. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 (п. 5) // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
12. О суде: Декрет ВЦИК от 07 марта 1918 г. № 2 (ст. 8, ст. 36) // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
13. Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
14. Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.: ред. от 29.12.2001 // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
16. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 (ред. от 13.06.1996) // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.
17. Протокол предварительного слушания и Постановление о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания от 18 марта 2011 г.: уголовное дело № 2-31 // Архив Ставропольского краевого суда. URL: kraevoy.stv.sudrf.ru/.
18. Подозреваемый по УПК РСФСР 1960 г. в изначальной редакции права на защитника не имел. Законодательное наделение подозреваемого правом на защиту произошло только в 1992 г. с вступлением в силу Закона РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Консультант Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru/.

**IMPACT OF THE WILL OF THE ACCUSED
ON THE COURSE OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY:
BACKGROUND (THE HISTORY OF THE QUESTION)**

© 2017

E.A. Artamonova, the assistant professor
of the law of criminal procedure department of the juridical institute
North-Caucasus Federal University, Stavropol (Russia)

Keywords: accused, the will of the accused; the influence of the will of the accused on criminal procedural activity; pre-revolutionary legislation; the Soviet criminal procedure codes; history and modernity.

Abstract: The article shows what opportunities to influence the course and the results of criminal procedural activity the accused had in the development of Russian criminal justice. It is noted that the personal interests of the accused began to be studied only with the adoption of the Criminal Procedure Charter of 1864 and only in the exercise of the rights that belong to him. It is pointed out that the most varied forms of influence of the defendant's will for criminal procedural activity existed during the period of the first Soviet criminal procedural codes of 1922 and 1923 according to which the legal will of the accused was of fundamental importance in some cases for a significant reduction of judicial seizure within the existing form Implementation of justice, in others – changed the form of the implementation of justice, in the third – changed the nature of the criminal prosecution. It is noted that the personal interests of the accused began to be studied only with the adoption of the Criminal Procedure Charter of 1864 and only in the exercise of the rights that belong to him. It is pointed out that the most varied forms of influence of the defendant's will for criminal procedural activity existed during the period of the first Soviet criminal procedural codes of 1922 and 1923 according to which the legal will of the accused was of fundamental importance in some cases for a significant reduction of judicial seizure within the existing form Implementation of justice, in others – changed the form of the implementation of justice, in the third – changed the nature of the criminal prosecution.